

Андрей Собакин

Последняя вечность войны

16+

Андрей Собакин
Последняя вечность войны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Собакин А.

Последняя вечность войны / А. Собакин — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Последние дни Великой Отечественной войны. Бои идут уже на самых подступах к Берлину. Трое советских солдат попадают в засаду фашистов. Уцелевший солдат прячется в склепе на старинном кладбище. Но по злой иронии судьбы нацисты тоже имеют свои виды на старый склеп... И конец войны, который, казалось, был уже столь близок и достижим, вдруг откладывается на целую вечность...

Андрей Собакин

Последняя вечность войны

– А ну-ка, по стойте-ка, ребята, – неожиданно сказал старшина Матвеев и остановился.

Шедшие позади него бойцы Симанин и Петров тут же замерли на месте. Однако голос старшины был спокойный, и автомат на его плече висел по-прежнему – стволом вниз, а значит, никакой опасности не было.

– Посмотрите, красотища-то какая! – повернулся к ним старшина, – Вот ведь и не подумаешь, что это – Германия... Совсем как дома...

Они только что вышли из небольшой, уже почти совсем по-летнему зелёной рощи, и перед ними расстилалась обширная, хорошо просматриваемая равнина с мягко очерченным волнистым рельефом и небольшой речкой, которая тонкой серебристой змейкой извивалась среди невысоких зелёных холмов. Кое-где росли огромные, даже на расстоянии, деревья с раскидистыми кронами и необычно длинными ветвями, которые тянулись совершенно параллельно земле. Далеко-далеко, на берегу реки виднелась аккуратная немецкая деревушка, позади которой низина заканчивалась, и вверх взбежали крутые зелёные склоны холмов повыше...

– Красиво, – согласился со старшиной Петров и тут же добавил, – Но у нас по-другому... Здесь и ёлок-то совсем нет, и деревья тут другие, гладкие какие-то... И вообще, у нас дома в апреле ещё снег лежит.

– Нее... – мечтательно протянул старшина, – У нас в апреле всё уже зелёное...

– Коров тут не хватает, – подключился к разговору Симанин, – Такие луга – для скотины самое то! А здесь пустота какая-то... Даже странно.

– Это точно! – воскликнул старшина, – Молодец, правильно подметил. Так ведь война – фрицы небось всю скотину-то и поддели...

– Ну, теперь уже недолго, – сказал Петров, – Берлин возьмём – и домой.

– Точно! – ответил старшина, – До Первого мая всего ничего осталось – наши уж точно постараются задавить гадину к празднику...

– И Гитлера поймают? – спросил Петров.

– Поймают – куда он денется, – улыбнулся старшина.

– И пулю в лоб этой сволочи! – сказал Петров.

– Зачем? – удивился старшина, – Так легко ему не отделаться. Ты посмотри, что этот гад натворил. Это сколько ж народу из-за него полегло! Нет, посадить его в клетку, в зоопарке, и на табличке написать «Самый страшный зверь на свете». Пусть все приходят и смотрят. А как сдохнет, из клетки не убирать лет сто – чтоб и другим не повадно было на нас войной ходить... Ну ладно, патруль, продолжаем движение.

Матвеев ещё раз окинул взглядом равнину и, как обычно, повернул налево вдоль неширокой просёлочной дороги. Солдаты двинулись за ним – сначала, на расстоянии пары метров, шёл Петров, а потом, ещё метров на пять сзади – Симанин.

– От ведь чёрт! – воскликнул вдруг старшина и снова резко остановился, – Чуть было не прозвали!

На этот раз он смотрел вниз, себе под ноги. На влажной ещё после утренней росы грунтовой дороге отчётливо просматривались совершенно свежие автомобильные следы.

– Кто это тут разъезжает? – задумчиво пробормотал старшина присев на корточки, – Смотри-ка – явно грузовик, потому что задние колёса сдвоенные... Туда поехали... – он поднял голову и посмотрел в направлении следов.

Никаких машин видно не было. Слева от дороги был лес, из которого они недавно вышли, а справа – та самая холмистая равнина, которой они недавно любовались. Потом дорога ушла налево и исчезала в лесу за поворотом. Всё вокруг было очень тихо и спокойно.

– Очень странно всё это, – сказал старшина, – Пойдёмте-ка посмотрим, кто тут ездил – нам ведь как раз в ту сторону...

Повод для беспокойства, конечно, был. Несмотря на то, что в этой части Германии война уже практически закончилась, отдельные подразделения вермахта и особенно остатки частей СС пытались небольшими группами скрытно перебраться на юг или запад, чтобы попасть в английскую или американскую зоны оккупации. Хотя такие группы и избегали прямых столкновений с Красной армией, при необходимости они могли атаковать мешавшие их продвижению посты, и эту опасность совсем нельзя было недооценивать...

Подхватив поудобнее автоматы, старшина и солдаты быстрым шагом пошли по дороге, стараясь держаться поближе к лесу.

Неожиданно далеко впереди они заметили какой-то тёмный силуэт – кто-то медленно шёл им навстречу. Не стовариваясь, солдаты укрылись в лесу и начали потихоньку пробираться через заросли вдоль дороги навстречу незнакомцу. Через несколько минут они увидели, что по дороге неторопливо брела старушка в чёрном пальто, в старомодной смешной шляпке с пером и с корзинкой в руках – очевидно, местная жительница. Убедившись, что никого кроме старушки на дороге нет, старшина жестом приказал солдатам выйти из укрытия, и они открыто пошли навстречу немке. Та, едва заметив их, сначала остановилась, но потом, поборов страх, всё-таки снова пошла вперёд. Приблизившись к старушке, старшина Матвеев доброжелательно ей улыбнулся и, с трудом подбирая немецкие слова, спросил, не видела ли она здесь грузовик, и куда тот поехал. По-немецки в его исполнении это прозвучало как «Фрау! Крафтваген?».

Старушка с нескрываемым ужасом в бледных глазах смотрела то на старшину, то на сопровождавших его солдат. Судя по всему, вопрос она поняла, так как сразу же показала рукой куда-то назад.

– Туда поехали? – уже по-русски спросил старшина, – А солдаты там были? Зольдатен?

Немка пристально посмотрела на Матвеева, снова махнула рукой куда-то назад и, уже ни на кого не глядя, пошла дальше по дороге. Красноармейцы стояли и смотрели ей вслед. Пройдя несколько шагов она вдруг остановилась, обернулась и что-то громко сказала по-немецки. После этого старушка прижала к себе свою корзинку и быстро-быстро пошла прочь – казалось, если бы она могла, то она бы побежала. Больше старушка не оборачивалась...

– Вот такая немецкая Баба Яга... – задумчиво сказал Петров, – Старшина, а вдруг там немцы?

– Это Германия – тут повсюду немцы, – ответил Матвеев, – Ладно, ребята, давайте смотреть в оба, чтоб ненароком не нарваться.

– А что она сказала? – спросил Симанин.

– А чёрт её знает, – вздохнул Матвеев.

Неожиданно в лесу, где-то совсем рядом, хрустнула сухая ветка. Все трое абсолютно машинально присели и сдёрнули с плечей автоматы. В следующее мгновение они уже были готовы ударить очередями по зарослям, но больше ничего не происходило, и, что также было немаловажно, интуиция и опыт приобретённые бойцами за годы войны не подавали им никаких тревожных сигналов. И это казалось очень странным... Напряжённо вглядываясь в заросли, старшина и солдаты начали потихоньку расходиться в стороны, чтобы, в худшем случае, не быть срезанными одной автоматной очередью. И вдруг ветка хрустнула ещё раз, уже чуть в стороне. Петров, который оказался ближе всех, сначала быстро вскинул автомат, целясь куда-то между деревьями, а потом медленно опустил его и улыбнулся. Старшина и Симанин недоумённо посмотрели на него. Возможно, это был кто-то из мирных жителей – ещё одна старушка или ребёнок... Петров продолжал улыбаться и молча поманил бойцов рукой. Не успели

его товарищи сделать и шага, как снова захрустели ветки, и на дорогу вышел самец косули, чуть больше метра высотой и с маленькими аккуратными ветвистыми рожками на голове. Олень недоверчиво посмотрел на солдат своими большими чёрными глазами и, неторопливо перейдя через дорогу, начал спускаться по склону в низину. Потом он всё-таки не выдержал и пробежал десяток метров, чтобы остановившись снова посмотреть на солдат уже с безопасного, как ему казалось, расстояния.

– Какой красавец, – сказал Петров, – Он, поди, и не знает, что война...

– Знает, – отозвался Матвеев, – Пошли дальше.

Уже через несколько минут дорога свернула налево, и красноармейцы углубились в лес. Пройдя ещё немного, они увидели невысокую каменную ограду, которая тянулась слева вдоль дороги. По правую сторону плотной стеной стояли заросли кустарника и молодые осины, за которыми уже начинался настоящий лес.

– Ну, вот и кладбище, – сказал старшина и показал на кладбищенскую ограду, – Наверное, бабка как раз отсюда и шла...

Бойцы пошли вдоль невысокой каменной стены, потемневшей от времени и во многих местах покрытой тёмно-зелёным мхом. Стояла абсолютная тишина – даже ветер, казалось, замер в ожидании чего-то...

Кладбище было старым и довольно обширным. Повсюду среди больших корявых деревьев и когда-то аккуратно подстриженных кустов возвышались каменные надгробия и виднелось несколько каменных фамильных склепов разной величины. Красноармейцы шли внимательно оглядываясь по сторонам. Очень скоро в кладбищенской стене обнаружился довольно широкий проход – не ворота, а просто участок стены, метра четыре шириной, был разобран, и вынутые камни лежали тут же у дороги аккуратно сложенные в несколько кучек.

– А следы-то, похоже, на кладбище заворачивают, – сказал Петров.

– Ишь ты, глазастый, – старшина прищурившись тоже присмотрелся к дыре в ограде, – Пойдёмте-ка, посмотрим, что там... И на могилки поглядывайте, чтобы нас покойнички не пристрелили.

Держа автоматы наготове красноармейцы осторожно подошли к разобранному участку стены. Странное ощущение появилось у старшины Матвеева – вроде там, на дороге, где олень выскочил, и ветки хрустели, и лес густой был, и ничего не разглядишь, но чувства опасности тогда не было... А сейчас – и тихо, как и должно быть на кладбище, и просматривается всё вокруг, а вот где-то в животе холодок затаился... Страшно, а непонятно почему...

Петров оказался прав – следы грузовика сворачивали на кладбище, прямо через разобранный фрагмент стены. И не просто сворачивали – было заметно, что раньше тут была лишь небольшая калитка, которую совсем недавно расширили, чтобы на территорию кладбища могла проехать машина...

«И всё-то у этих немцев аккуратно...» – успел подумать старшина посмотрев на три, сложенные правильными пирамидками, кучки вынутых из стены камней. Потом он повернулся в сторону леса по другую сторону дороги, и тут же оглушительная автоматная очередь ударила откуда-то из-за деревьев, не дав Матвееву даже и мгновенья, чтобы успеть что-то предпринять. Ноги его подогнулись, и с тремя пулями в груди он сначала бессильно опустился на колени, а потом повалился на спину, широко раскинув руки в стороны. Петров и Симанин успели только вскинуть автоматы. Однако выстрелить никто из них не смог. Сражённый той же очередью Петров повалился на спину. Симанину повезло чуть больше – он остался на ногах, лишь его автомат почему-то сильно дёрнулся в руках, словно кто-то невидимый ударил по нему тяжёлым молотком пытаясь выбить. Удержав оружие в руках, Симанин направил ствол в сторону леса и до боли в пальце надавил на курок... Однако ни одного выстрела не последовало – что-то заклинило в автомате. Ответная очередь по зарослям раздалась через пару секунд откуда-то снизу. Оказалось, что Петров был только ранен, и теперь, полужёжа на боку, отчаянно стрелял

по кустам. Опустошив весь магазин, он попытался подняться на ноги. Наступила напряжённая звенящая тишина. Не видя врага, и не заметив, откуда по ним стреляли, Петров и Симанин оказались в очень опасном положении. Медлить было нельзя. Симанин подхватил безуспешно пытавшегося встать на ноги Петрова, и они вдвоём поспешно укрылись за кладбищенской стеной. Петров был ранен – ноги его всё время подгибались, и, чтобы не упасть, он держался за Симанина. Они вбежали на кладбище через проход в стене и тут же упали на траву за толстой каменной кладкой. Потом они отползли ещё немного вглубь и залегли среди могил.

– Куда тебя ранило? – быстрым шёпотом спросил Симанин, безуспешно пытаясь передрнуть затвор своего автомата и не сводя глаз с прохода в кладбищенской ограде.

– Зацепило-таки ... – сдавленным голосом отозвался Петров, – А ты чего не стрелял?

– Не знаю – заело что-то... – Симанин посмотрел на Петрова. Тот был бледен, и по его гимнастёрке растекалось тёмное кровавое пятно – слева, чуть сбоку и ниже сердца, виднелось тёмное пулевое отверстие...

– Твоя это пуля была, – сказал вдруг Петров и показал рукой на автомат Симанина, – Видишь, прямо под затвор попала... Спасла тебя твоя железка – теперь долго жить будешь...

Симанин с удивлением посмотрел на свой автомат – разверни он его тогда в сторону леса на мгновение раньше, и пуля вошла бы прямо ему в грудь, и они бы все троём оказались срезанными одной очередью...

– На немцев нарвались, – бормотал Петров, – Какая глупость...

Из-за обилия надгробных плит, нескольких раскидистых старых деревьев и аккуратно подстриженных кустов, просматривалось кладбище очень плохо. Несомненно, прячась за могилами, у красноармейцев были хорошие шансы уйти незамеченными. Но и у немцев было много возможностей незаметно окружить бойцов.

Словно в подтверждение этого, откуда-то из глубины кладбища раздалась немецкая речь – короткий и требовательный вопрос, и сразу же кто-то отозвался из-за каменной стены со стороны леса... Даже не владея немецким, Симанин и Петров догадались о содержании разговора: «почему стреляли? – русский патруль!».

Потом послышался треск веток, и до красноармейцев донеслись едва различимые шаги – кто-то вышел из укрытия в лесу и осторожно приближался к проходу на кладбище. Одновременно позади них, на кладбище, зазвучали отрывистые немецкие команды, и почувствовалось, что среди могил и склепов началось какое-то движение.

– Дай мне твой магазин, – сказал Петров, – Я их задержу, а ты пока уходи...

– Вместе пойдём, – ответил Симанин отстёгивая и передавая Петрову магазин от своего повреждённого автомата.

– Нет, – голос Петрова был ровный и усталый, – Я ног совсем не чувствую, и перед глазами муть какая-то... Иди один. И лучше не шастай пока по кладбищу, а спрячься где-нибудь, дождись пока стемнеет, и – потом уходи. Искать тебя фрицы точно не будут – времени у них совсем нет, им сейчас шкуру свою спасти нужно...

– Да как же я тебя оставлю?.. – пробормотал растерянно Симанин не находя нужных слов.

– А вот так... – сказал Петров, – Тебя звать-то как, Симанин?

– Василий...

– Давно на фронте?

– В ноябре призвали... С марта вот в Германии...

– Ну и нечего тебе задницу свою напоследок светить – война не сегодня-завтра закончится... Дома девки ждут... Так что, живи, Василий!.. – Петров внезапно прислушался и резким жестом руки остановил возможные возражения со стороны Симанина.

Над кладбищенской стеной вдруг появилась тёмная немецкая каска с натянутой на неё маскировочной зелёной сеткой – немец пригнувшись приближался к проходу в стене. Петров

прилёг на правый бок, прижался щекой к шершавому каменному надгробию и направил автомат в сторону прохода.

– Уходи, дурак, – раздражённо сказал он Симанину, не глядя на него, – После войны к матери моей съезди, под Архангельск. Крыша у неё течёт, писала... Сам-то уж точно не почию – помоги ей...

Закончить фразу Петров не успел – в проходе появился немецкий солдат с автоматом наготове. Петров выстрелил короткой очередью. Немец успел среагировать и быстро спрятался за каменной стеной.

– Беги! – строго приказал Симанину Петров, и тот, оставив свой повреждённый автомат на земле, на четвереньках пополз дальше вглубь кладбища.

С трудом продравшись через густые кусты между могилами, Симанин услышал короткую автоматную очередь за своей спиной – наверное, немец снова попытался проникнуть на кладбище. Симанин полз, старательно укрываясь за могильными холмиками и каменными надгробиями. Вокруг него раздавалась прерывистая немецкая речь, слышался топот ног и треск веток. Совсем рядом, едва не наступив ему на руку, пробежали три немецких солдата в новых чёрных сапогах. Снова послышалась стрельба, взрыв гранаты, а потом внезапно наступила тишина...

Пробираясь среди лабиринта могил, Симанин вскоре оказался в кустах напротив каменного склепа с белыми оштукатуренными колоннами по краям. Неподалёку, на кладбищенской дорожке, стоял грузовик с покрытым брезентом кузовом. Чуть дальше виднелся сильно забрызганный грязью чёрный легковой автомобиль. У входа в склеп стояли и тревожно озирались по сторонам два очень молодых немецких солдата в чёрной униформе и с автоматами в руках. Возле их ног лежал раскрытый длинный плоский оружейный ящик с металлическими застёжками. Потом один из солдат приоткрыл дверь склепа и опасно заглянул внутрь. В следующее же мгновение откуда-то появился немецкий офицер в серой шинели в сопровождении светловолосой девушки без головного убора. На девушке также была серая шинель с непонятными Симанину серебристыми знаками различия. Офицер что-то сказал солдатам, и те сразу куда-то убежали. Офицер же и девушка торопливо направились в сторону грузовика...

Когда Симанин снова выглянул из кустов, то никого он больше не увидел. Раскрытый ящик у входа в склеп не давал ему покоя – там наверняка было какое-то оружие... Солдат ещё раз убедился, что поблизости никого нет, а потом осторожно поднялся на ноги и, пригибаясь, подбежал ко входу в склеп. В лежавшем на земле оружейном ящике он увидел четыре панцерфауста. Василий слышал про такие – говорили, что панцерфауст мог срывать башни с танков и прожигать насквозь самую толстую лобовую броню. Это было несомненно мощное оружие, но, к сожалению, Симанин совершенно не знал, как его использовать. Пока он размышлял над ящиком с панцерфаусти, где-то совсем рядом послышался топот сапог. Симанин в панике опрометью бросился к склепу и, дёрнув на себя приоткрытую дверь, поспешно спустился на несколько ступенек по обнаружившейся за дверью лестнице. Сделал он это как раз вовремя – на открытое пространство перед склепом со всех сторон вышло не менее десятка вооружённых немецких солдат в чёрной униформе. Симанин даже не успел закрыть за собой дверь, впрочем немцы не обратили на склеп никакого внимания. Прижавшись к каменным ступенькам, красноармеец осторожно выглянул наружу и увидел, как все они построились в небольшую шеренгу возле грузовика, и вперёд вышел высокий худой немецкий офицер в длинной светлой шинели и круто изогнутой фуражке. Он что-то сказал, после чего все солдаты повернулись к грузовику. Снова появилась та светловолосая немка в униформе и жестом приказала одному из солдат залезть в кузов грузовика. Потом тот начал выбрасывать оттуда свёрнутые комплекты униформы: шинели, штаны, гимнастёрки... Солдаты деловито рылись в них, выбирая, очевидно, свои размеры, а затем, прижимая к себе аммуницию, отходили в сторону чтобы переодеться. Симанин спустился на несколько ступенек ниже и попытался обдумать своё положение. Один, без оружия, на кладбище, среди фашистов, которые почему-то... Он снова

выглянул наружу – без всяких сомнений, солдаты переодевались в новую униформу. Зачем? Война уже и так явно проиграна... Что они собираются делать? Сдаваться? Совсем не похоже – переодевшись, немцы снова хватали свои автоматы, да и противогазы и гранаты на поясе тоже полностью перемещались на новую униформу. Немка стояла рядом с офицером и наблюдала за переодеванием солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.